

DOI 10.35775/PSI.2026.127.3.027

УДК 327(450):314.15

М.А. ПОЖИДАЕВ

магистр кафедры истории и политики стран

Европы и Америки факультета международных отношений

МГИМО МИД РФ, Россия, г. Москва

E-mail: ma.a.pozhidaev@my.mgimo.ru

ORCID: 0009-0008-5394-6496

ЭВОЛЮЦИЯ МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ ИТАЛИИ: ОТ ВНУТРЕННЕГО РЕГУЛИРОВАНИЯ К СТРАТЕГИИ ЭКСТЕРНАЛИЗАЦИИ

В статье анализируется процесс формирования и развития итальянской государственной политики в области миграции. Особое внимание уделяется причинам, побудившим Италию сместить фокус с внутреннего нормативного регулирования на стратегию экстернализации. Применение исторического и ретроспективного методов позволило выявить, что на протяжении десятилетий миграционные процессы игнорировались Римом, поскольку страна сама выступала активным экспортером рабочей силы. Переломный момент наступил на рубеже XX-XXI веков, когда в условиях нарастающего миграционного давления были приняты первые законодательные акты, нацеленные на сдерживание нелегальной иммиграции. В работе показано, что несостоятельность внутренних механизмов регулирования рынка труда и кризис Дублинской системы вынудили Италию прибегнуть к выносу миграционного контроля за пределы Европейского союза. Провозглашение правительством Дж. Мелони «Плана Маттеи» стало логическим продолжением этой политики, ознаменовав собой переход к стратегии экстернализации на государственном уровне. При помощи данного подхода удалось существенно сократить интенсивность миграционных потоков, однако его эффективность сильно зависит от политической конъюнктуры и сопряжена с юридическими ограничениями. В связи с чем целесообразность существующей миграционной стратегии по-прежнему остается под большим вопросом.

Ключевые слова: внешняя политика Италии, «План Маттеи», экстернализация, Дублинская система, нелегальная миграция, Средиземноморский регион, трудовые мигранты.

Формирование миграционного дискурса в Италии. Италия, расположенная в центральной части Средиземноморья, исторически выступала связующим звеном между Европой, Северной Африкой и Ближним Востоком. Долгое время географический фактор не рассматривался ни в научном, ни в политическом дискурсе как источник миграционных рисков. Более того, вплоть до последней четверти XX века в стране не существовало ни единого закона в области иммиграции, что противоречило фундаментальным принципам итальянского

права (10-я статья Конституции официально закрепляла право на убежище для иностранных граждан, лишенных демократических свобод в своих странах). Подобное положение дел во многом объясняется историческим контекстом, который будет рассмотрен далее.

В конце 1950-х гг. началось «итальянское экономическое чудо», в ходе которого страна перешла из разряда аграрных стран в число ведущих индустриальных держав. Бурный рост промышленного производства, характерный не только для Италии, но и для большей части Европы, сопровождался увеличением спроса на дешевую рабочую силу. Франция, например, сотрудничала с Римом именно по той причине, выстраивая регулируемую модель трудовой миграции через двусторонние соглашения, квоты и контракты. Впрочем, эти механизмы оказались медленными, негибкими и плохо адаптированными к реальному спросу на рынке труда [30. С. 178-179]. Как следствие, французские и итальянские власти попросту закрывали глаза на нелегальные потоки. Это привело к тому, что из 80 тыс. итальянцев, прибывших во Францию в 1957 г., почти 36 тыс. (или 45%) въехали в страну нелегально либо под видом обычных туристов [30. С. 179].

С другой стороны, возникает вопрос: почему именно Италия в этот период стала своего рода «кузницей» мигрантов? В конце 1950-х годов страна столкнулась с оттоком населения. С развитием промышленности рабочие из южных регионов Италии массово покидали деревни, мигрируя частично на север Италии, частично в страны Западной Европы в поисках более высокооплачиваемой работы. Согласно данным ISTAT, с 1959 по 1963 г. коэффициент внутренней миграции для Юга Италии достиг высоких отрицательных значений: от -6,0% в 1959 г. до рекордных -12,9% в 1961 г. [18]. Это свидетельствует о повальном перемещении трудовых ресурсов с южных аграрных территорий в центры индустриального бума. Если посмотреть на ситуацию шире, то суммарно в период с 1956 по 1975 гг. Италию покинули около 5 млн человек [13. С. 2]. Даже с учетом тех, кто впоследствии вернулся на родину, миграционная убыль составила миллионы граждан. Таким образом, в ту пору Италия была страной-донором рабочей силы, а отсутствие какого-либо государственного регулирования лишь усугубляло этот процесс.

Миграционная политика Италии после кризиса 1973 года. Коэффициент миграционного прироста в Италии оставался отрицательным вплоть до конца «славного тридцатилетия» [17]. Однако на фоне замедления экономического роста в Европе необходимость в большом потоке рабочей силы становилась все меньше, постепенно стали проявляться ксенофобские настроения и споры о влиянии иммигрантов на систему социального обеспечения. Масла в огонь подлил нефтяной кризис 1973 года, взвинтивший цены на нефть с 2,9 до 11,7 доллара за баррель и спровоцировавший резкий скачок инфляции [2. С. 43].

Европейские страны начали одна за другой ограничивать въезд иностранцев. Первой стала Швейцария (1970 г.), за ней последовали Швеция (1972 г.), Германия (1973 г.) и Франция (1974 г.) [10. С. 95]. Из-за этого многие итальянские эмигранты были вынуждены вернуться на родину, а традиционная внутренняя миграция

с Юга Италии пошла на спад. Уже в 1973 году число репатриантов, прибывших в Италию главным образом из Европы, достигло 125 тыс. человек, тогда как число покинувших страну составило 124 тыс. человек [9. С. 80]. Положительное сальдо миграции, впервые зафиксированное в современной истории Италии, ознаменовало утрату статуса экспортера рабочей силы.

Однако на протяжении 1970-х гг. научный интерес по-прежнему был сосредоточен на традиционных вопросах эмиграции и роли итальянских общин за рубежом (в Европе, США, Аргентине). Иммиграция еще не воспринималась как значимый социальный феномен, а реальный масштаб иностранного присутствия был неизвестен. Габриэлла Арена, ссылаясь на первый доклад социально-экономического института CENSIS 1979 г., подчеркивала, что данные министерств учитывали лишь легально зарегистрированных мигрантов (около 250-300 тыс. человек), при этом общая численность с учетом лиц, занятых в теневом секторе, могла достигать до 700 тыс. человек [7. С. 75].

Изменения на рынке труда и расширение теневой занятости создали спрос на нелегальную рабочую силу. Основные группы мигрантов были представлены гражданами бывших итальянских колоний (Эфиопии, Эритреи и Сомали), сезонными рабочими из Туниса и Марокко, а также выходцами из Филиппин. К 1986 г. число нелегальных трудовых мигрантов оценивалось в 294-355 тыс. человек, что составляло около 41-46% от общего числа иностранных граждан [31. С. 313]. Сложившаяся ситуация выявила острую необходимость в нормативно-правовом регулировании миграции.

В качестве ответной меры в 1986 г. правительство Кракси приняло закон Фоски, заложивший основу итальянской миграционной политики [20]. Согласно закону, иностранные граждане и их работодатели впредь были обязаны заявлять о существующих трудовых отношениях в местное отделение службы занятости. Тем самым мигрантам, в том числе и нелегальным, была предоставлена возможность интегрироваться в правовое поле государства. Однако, «географическая оговорка» – ограничение, предусмотренное Конвенцией ООН о статусе беженцев 1951 г. и допускающее предоставление статуса беженца только лицам из европейских государств, – так и не была отменена [1]. Хотя Протокол 1967 г. формально устранил временные и географические рамки Конвенции, Италия при его ратификации в 1970 г. сохранила за собой право применять это ограничение [4].

Власти де-юре исключили возможность предоставления убежища тысячам мигрантов из неевропейских стран. Единственным путем легализации оставался статус «трудового мигранта», получить который в рамках закона Фоски было практически невозможно из-за изнурительных бюрократических процедур. Более того, оформление трудоустройства подрывало сложившуюся в теневом секторе систему сверхэксплуатации мигрантов. Поэтому значительная часть той «невидимой» миграции так и не была легализована и осталась в теневом секторе экономики [7. С. 74-76]. В конечном счете в 1988 г. число нелегальных

мигрантов варьировалось от 305 до 507 тыс. человек, что свидетельствовало о неэффективности закона [31. С. 313].

Переосмысление миграционного вопроса в постбиполярную эпоху. В конце XX века Италия оказалась на перекрестке событий, которые повлекли за собой постепенную трансформацию внешнеполитического курса страны. Речь идет о распаде биполярной системы, приведшем к вспышкам конфликтов на региональном уровне (прежде всего на Балканах); усилении нестабильности в африканских странах; а также углублении интеграционных процессов в рамках Европейского союза.

Албанский миграционный кризис 1991 г. стал первым вызовом для Рима. Наряду с географической близостью, важным фактором увеличения притока албанских беженцев стали изменения в миграционной политике Италии. 28 февраля 1990 г. правительство Дж. Андреотти приняло закон Мартелли, основной целью которого было приведение национального законодательства в соответствие с требованиями готовящегося Шенгенского соглашения [19]. Одним из его положений стала отмена «географической оговорки», в результате чего были созданы благоприятные условия для притока албанских мигрантов, стремящихся получить официальный статус беженца. Уже в марте 1991 г. в порты Апулии прибыло около 24 тыс. человек, а общие затраты государства на их содержание к лету того же года составили 212 млрд лир [24. С. 228-229]. Произошедшие события окончательно разрушили представление о миграции как о временном явлении.

Первые шаги к выработке единой европейской политики в этой области были предприняты только в начале 1990-х гг. с принятием Дублинской конвенции. Документ, вступивший в силу в 1997 г., закрепил принцип ответственности «страны первого въезда» за рассмотрение ходатайства об убежище. Данное решение было продиктовано стремлением ЕС исключить возможность подачи просителями убежища нескольких заявок в разных странах и предотвратить появление категории беженцев, находящихся в подвешенном состоянии [15. С. 132]. Однако Италия, обладая протяженной морской границей, юридически оказалась ответственной за подавляющее большинство мигрантов, прибывающих по Средиземноморскому маршруту.

Важной вехой в формировании миграционной политики стало принятие в 1998 г. закона Турко-Наполитано, в соответствии с которым создавались центры временного пребывания (СРТ), предназначенные для содержания нелегальных мигрантов с целью последующей депортации [12]. В то же время системы размещения для просителей убежища еще не существовало. Лишь с введением закона Босси-Фини в 2002 г. стали появляться первые центры подобного рода (SPRAR), но и в этом случае мигрантов могли без труда отправить в депортационный центр, если ранее им уже было отказано во въезде [27. С. 18]. Подобная практика в очередной раз указывала на несовершенство итальянской системы.

По мере нарастания миграционного давления в последующие десятилетия, особенно после событий «Арабской весны» и кризиса на Лампедузе,

центры временного размещения превратились в места многомесячной изоляции мигрантов [15. С. 89]. Власти намеренно затягивали назначение официального интервью, без которого мигрант юридически не признавался просителем убежища. Поскольку дата интервью полностью контролировалась Квестурой, государство получало возможность законно отказывать беженцам в обеспечении едой и жильем в первые месяцы их пребывания, снижая нагрузку на бюджет. Такое поведение объяснялось тем, что при строгом соблюдении Дублинского регламента миграционная система Италии была бы полностью парализована. Таким образом, использование бюрократических лазеек стало для Рима способом выживания, а отсутствие реальной солидарности со стороны ЕС подтолкнуло Италию к выработке альтернативного подхода к решению миграционного вопроса.

Стратегия экстернализации во внешней политике Италии. Переход к политике экстернализации, заключающейся в выносе миграционного контроля за пределы ЕС, стал новым этапом для Рима. Фундамент был заложен еще Сильвио Берлускони в 2008 г. в рамках «Договора о дружбе, партнерстве и сотрудничестве». Итальянская сторона обязалась инвестировать около 5 млрд долларов в ливийскую инфраструктуру и предоставить технику в обмен на ужесточение пограничного контроля [3. С. 114]. Де-факто была легализована практика принудительного возврата судов, при которой итальянские ВМС перехватывали мигрантов в открытом море и принудительно конвоировали их обратно в Ливию (впоследствии этот прецедент стал предметом разбирательств в Европейском суде по правам человека). Тем не менее подобный подход оказался эффективным, поскольку к 2010 году количество высадок удалось уменьшить в 8-9 раз [32].

После смерти Муаммара Каддафи и краха ливийского режима в 2011 г. эта модель изжила себя. В ответ на череду кораблекрушений у берегов острова Лампедуза в октябре 2013 г., вызвавших широкий международный резонанс, правительство Италии инициировало крупную военно-морскую гуманитарную операцию *Mare Nostrum*. Несмотря на большое количество спасенных жертв (свыше 150 тыс. человек), высокая стоимость операции и отсутствие поддержки со стороны европейских партнеров привели к сворачиванию программы в октябре 2014 г. и делегированию ответственности агентству Frontex в рамках операции «Тритон» [6. С. 270]. После этого Рим временно положился на общеевропейские механизмы решения миграционного вопроса.

Во время кризиса 2015 г. Италия оказалась в эпицентре миграционного хаоса. В качестве ответа Евросоюз внедрил систему «хотспотов», направленную на обязательную идентификацию прибывающих на местах. Однако этот механизм из-за особенностей Дублинского регламента лишил людей возможности легального транзита в Северную Европу. Учитывая отказ ряда европейских стран (Чехии, Венгрии и Польши) соблюдать установленные квоты, прибывшие на территорию Италии мигранты юридически закреплялись за ней согласно принципу «страны первого въезда» [26. С. 1]. Следовательно, в период с 2014 по 2017 гг. число нелегальных прибытий в Италию стабильно превышало отметку в 120-150 тыс.

человек, что указывало на неэффективность существующей на тот момент европейской стратегии управления миграционными процессами [11].

В 2017 г. Рим был вынужден реанимировать модель Берлускони, заключив новый Меморандум о сотрудничестве с Триполи. Италия предоставила дополнительную финансовую и техническую помощь в обмен на ужесточение контроля над береговой линией, но в этот раз без прямого участия итальянской стороны [23]. В результате принятых мер ежегодный приток мигрантов снизился со 181 тыс. человек в 2016 г. до 11,5 тыс. к 2019 г. [11]. Однако концептуальное оформление африканского курса произошло несколько позже с публикацией в 2020 г. документа «Партнерство с Африкой». В нем официально провозглашался переход к равноправному партнерству с африканским регионом, при этом поддержание стабильности и экономического развития Африки стало фундаментальной составляющей обеспечения национальной безопасности Италии [16. С. 6].

Новая миграционная политика кабинета Дж. Мелони. С приходом к власти Дж. Мелони в 2022 г. курс на экстернализацию был окончательно институционализирован. Его основой стал «План Маттеи», направленный на содействие развитию стран Африки через укрепление двусторонних политэкономических связей. Рим на сегодняшний день инвестирует в энергетический сектор, инфраструктуру и сельское хозяйство африканских стран, преследуя при этом корыстные цели: сдерживание миграционных потоков и наращивание влияния в Африке. На данном этапе реализация внешнеполитического курса в области миграции базируется на трехуровневой модели: прямом двустороннем сотрудничестве, участии Италии в общеевропейских инициативах и создании собственных многосторонних форматов диалога.

В рамках двустороннего взаимодействия правительство Дж. Мелони в 2023 г. заключило серию важных соглашений со странами транзита и происхождения (Ливией, Египтом, Алжиром, Эфиопией, Кенией, Анголой и Мозамбиком), которые так или иначе затрагивали вопросы миграции. Наиболее показательным примером стала энергетическая сделка на 8 млрд долларов с Триполи, сопровождавшаяся обязательством Италии передать ливийской береговой охране пять патрульных катеров для усиления контроля морских границ [14]. Отдельным неафриканским кейсом выступает Албания, с которой в 2023 г. был подписан протокол о создании на ее территории двух центров для приема и обработки заявок нелегальных мигрантов, находящихся под итальянской юрисдикцией [25]. Этот проект стал первой в истории ЕС попыткой полной экстернализации судебных процедур, позволяющей удерживать и проверять мигрантов за пределами физических границ Евросоюза.

На общеевропейском уровне Дж. Мелони удалось навязать Брюсселю свою повестку, сместив фокус с расселения беженцев на усиление внешних границ. Италия выступила медиатором при заключении миграционной сделки Евросоюза с Тунисом в 2023 г. и Египтом в 2024 г., используя финансовые ресурсы ЕС для стабилизации миграционных потоков в собственных интересах. Завершающим элементом трехуровневой модели стал первый международный

саммит «Италия-Африка», проведенный в январе 2024 года. Несмотря на широкий круг обсуждаемых вопросов, основной задачей форума оставалась разработка коллективных решений по минимизации нелегальной миграции. Хотя мероприятие имело символическое значение, оно позволило Риму презентовать «План Маттеи» на международной арене и выступить дипломатическим посредником между Евросоюзом и африканским континентом [28. С. 2].

В период работы кабинета Дж.Мелони удалось существенно снизить количество прибывающих мигрантов со 158 тыс. человек в 2023 г. до 66 тыс. в 2025 г. [11]. Однако данные за 2025 г. указывают на то, что Африка и страны Ближнего Востока до сих пор остаются основными источниками нелегальной миграции: на них суммарно пришлось более 54% всех высадок, прежде всего за счет Египта, Туниса, Алжира и стран Африканского рога. Более того, первое место в списке занимают выходцы из Бангладеш (30% от общей суммы), которые попадают в Италию транзитом через территорию Ливии [11]. Это подтверждает логику Рима, стремящегося через «План Маттеи» и двусторонние соглашения со странами транзита стабилизировать миграционную обстановку в Средиземноморье.

Тем не менее в долгосрочной перспективе состоятельность миграционной стратегии Италии ставится под сомнение. Во-первых, «План Маттеи» имеет явно выраженный неокOLONиальный подтекст, так как африканские страны рассматриваются как инструмент для решения внутренних проблем Италии. Еще в ходе саммита «Италия-Африка» председатель Комиссии Африканского союза Муса Факи Махамат открыто выразил недовольство тем, что план разрабатывался без участия самих африканцев [22]. Во-вторых, «План Маттеи» носит декларативный характер, во многом дублируя европейскую инициативу Global Gateway, которая была запущена еще в 2021 г. с целью развития экологических и безопасных глобальных связей [21. С. 12]. В-третьих, достигнутые Дж. Мелони договоренности с новыми странами транзита оказались крайне хрупкими. Например, Президент Туниса Каис Саид уже неоднократно называл выделяемую в рамках меморандума о взаимопонимании с ЕС помощь «недостаточной» и даже «оскорбительной», угрожая ослабить пограничный контроль для получения дополнительных преференций [29].

Помимо этого, из-за судебных разбирательств реализация албанской инициативы также затруднена. В 2024 г. за содержание всего 20 человек префектура Рима выплатила управляющей компании Medihospes 570 тыс. евро за пять дней работы центров приема беженцев в Шенджине и Гядере [5]. 10 февраля 2026 г. Европарламент поддержал создание общего списка «безопасных стран происхождения», призванного ускорить процесс рассмотрения заявлений на предоставление убежища для лиц из этих государств [8]. Однако это не решило правовую коллизию. Мигранты, прежде всего из Бангладеш, Египта и Туниса, по-прежнему не могут быть удержаны в этих центрах на длительный срок и подлежат возвращению в Италию для завершения стандартных юридических процедур.

Таким образом, несмотря на центральное положение Италии в Средиземноморье, в течение десятилетий миграция не воспринималась

как требующий регулирования процесс. Из-за правового бездействия в этой области Рим не смог своевременно среагировать на меняющиеся миграционные потоки, превратившие страну в центр притяжения нелегальных мигрантов и беженцев. Вследствие сложности механизмов легального найма, предусмотренных законом Фоски, экономическая интеграция мигрантов продолжала происходить в основном через нелегальные каналы. В 1990-е гг. развитие нормативной базы диктовалось скорее требованиями Евросоюза, нежели долгосрочной внутренней стратегией. Последующий кризис системы «хотспотов» и провал операции Mare Nostrum лишь подтвердили, что без превентивного сдерживания потоков миграционная система Италии развалится.

Рим сделал ставку на стратегию экстернализации, которая нашла отражение в современной политике Дж. Мелони. «План Маттеи» воплощает этот подход, став инструментом внешней политики государства. Экономическое сотрудничество с африканскими государствами и двусторонние договоренности со странами транзита позволили Италии добиться сокращения потоков нелегальных мигрантов. Однако выявленные противоречия и политические неудачи дискредитируют одно из приоритетных направлений деятельности Дж. Мелони, что ослабляет позиции правящей коалиции в преддверии парламентских выборов 2027 г. В связи с этим существующая миграционная стратегия создает лишь иллюзию контроля и не дает долгосрочных гарантий стабильности системы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Конвенция о статусе беженцев: [принята в г. Женеве 28.07.1951] // ООН: [офиц. сайт] // https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/refugees.shtml (дата обращения: 14.03.2026).
2. **Макаров И.А.** «Энергетический Перл-Харбор». Нефтяной кризис 1973 года / И.А. Макаров, М.С. Чупилкин // Россия в глобальной политике. 2021. Т. 19, № 1 (107). С. 38-53 // <https://globalaffairs.ru/articles/energeticheskij-pyorl-harbor/> (дата обращения: 14.03.2026).
3. **Маслова Е.А.** Средиземноморская политика Италии (начало) / Е.А. Маслова, Н.В. Ушакова // Вестник Брянского государственного университета. 2018. № 1 (35). С. 111-116 // <https://vestnik-brgu.ru/articles/2018-01-13/> (дата обращения: 14.03.2026).
4. Протокол, касающийся статуса беженцев: [принят в г. Нью-Йорке 31.01.1967] // Организация Объединенных Наций: [офиц. сайт] // https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/refugees_prot.shtml (дата обращения: 18.03.2026).
5. ActionAid e UniBa: rimpatri ai minimi storici, costi altissimi della detenzione: [comunicato stampa] / Università degli Studi di Bari Aldo Moro. 2025 // <https://www.uniba.it/it/ateneo/rettorato/ufficio-stampa/comunicati-stampa/anno-2025/actionaid-e-unibari-rimpatri-ai-minimi-storici-costi-altissimi-della-detenzione> (дата обращения: 14.03.2026).

6. **Agbamu S.** Mare Nostrum: Italy and the Mediterranean of Ancient Rome in the Twentieth and Twenty-First Centuries // *Fascism*. 2019. Vol. 8, № 2. С. 250-274 // <https://doi.org/10.1163/22116257-00802001> (дата обращения: 14.03.2026).
7. **Arena G.** Lavoratori stranieri in Italia e a Roma // *Bollettino della Società Geografica Italiana*. Roma. 1982. Ser. X, vol. XI. С. 57-93 // <https://bsgi.it/index.php/bsgi/article/view/6315> (дата обращения: 14.03.2026).
8. Asylum: new rules for safe third countries and EU safe countries of origin list: press release // European Parliament: [офиц. сайт]. 2026. 5 February // <https://www.europarl.europa.eu/news/en/press-room/20260205IPR33617/asylum-new-rules-for-safe-third-countries-and-eu-safe-countries-of-origin-list> (дата обращения: 15.03.2026).
9. **Colucci M.** L'emigrazione italiana verso i paesi europei negli anni '60 e '70 // *Quaderni di Sociologia*. 2021. № 86 (LXV). С. 79-93 // <http://journals.openedition.org/qds/4665> (дата обращения: 14.03.2026).
10. **Corti P.** Storia delle migrazioni internazionali. Roma; Bari: Laterza, 2010. 146 с. (Biblioteca Essenziale Laterza).
11. Cruscotto statistico giornaliero (2017, 2019, 2025): [documento ufficiale] / Ministero dell'Interno; Dipartimento per le Libertà Civili e l'Immigrazione. Roma, 2017-2025 // <https://libertaciviliimmigrazione.dlci.interno.gov.it/documentazione/dati-e-statistiche/cruscotto-statistico-giornaliero> (дата обращения: 14.03.2026).
12. Decreto Legislativo 25 luglio 1998, n. 286. Testo unico delle disposizioni concernenti la disciplina dell'immigrazione e norme sulla condizione dello straniero // *Gazzetta Ufficiale della Repubblica Italiana*: [офиц. сайт] // <https://www.gazzettaufficiale.it/eli/id/1998/08/18/098G0348> (дата обращения: 14.03.2026).
13. **Del Boca D.** Italian Migration : Discussion Paper No. 938 / D. Del Boca, A. Venturini. Bonn: IZA, 2003. 45 с. // <https://docs.iza.org/dp938.pdf> (дата обращения: 14.03.2026).
14. Eni signs an agreement to develop «Structures A&E» gas project in Libya: press release // Eni: [офиц. сайт]. 2023. 28 January // <https://www.eni.com/it-IT/media/comunicati-stampa/2023/01/eni-avvia-un-importante-progetto-di-sviluppo-del-gas-in-libia.html> (дата обращения: 15.03.2026).
15. **Fullerton M.** Asylum crisis Italian style: The Dublin Regulation collides European Human Rights Law // *Harvard Human Rights Journal*. 2016. Vol. 29. С. 57-134 // <https://search.informit.org/doi/10.3316/informit.T2025013000012201689022779> (дата обращения: 14.03.2026).
16. Il Partenariato con l'Africa: [documento strategico] / Ministero degli Affari Esteri e della Cooperazione Internazionale. Roma, 2020. 55 с. // https://www.esteri.it/mae/resource/doc/2020/12/2020_12_10_partenariato_con_lafrica_-_versione_italiana.pdf (дата обращения: 14.03.2026).
17. ISTAT. Espatriati e rimpatriati per destinazione e provenienza europea o extraeuropea – Anni 1869-2014: статистические данные (Excel) // *Serie Storiche*: [офиц. сайт] // <https://seriestoriche.istat.it> (дата обращения: 14.03.2026).
18. ISTAT. Tasso migratorio interno per regione e ripartizione geografica, 1952-2014: статистические данные (Excel) // *Serie Storiche*: [офиц. сайт] // <https://seriestoriche.istat.it> (дата обращения: 14.03.2026).

19. Legge 28 febbraio 1990, n. 39. Norme urgenti in materia di asilo politico, di ingresso e soggiorno dei cittadini extracomunitari // Gazzetta Ufficiale della Repubblica Italiana: [офиц. сайт] // <https://www.gazzettaufficiale.it/eli/id/1990/02/28/090G0075/sg> (дата обращения: 14.03.2026).
20. Legge 30 dicembre 1986, n. 943. Norme in materia di collocamento e di trattamento dei lavoratori extracomunitari immigrati e contro le immigrazioni clandestine // Gazzetta Ufficiale della Repubblica Italiana: [офиц. сайт] // <https://www.gazzettaufficiale.it/eli/id/1987/01/12/086U0943/sg> (дата обращения: 14.03.2026).
21. **Lunardini M.** Global Gateway and Mattei Plan: advancing EU-Africa digital cooperation for inclusive growth: [policy brief] / M. Lunardini, D. Tshuma; European Think Tanks Group (ETTG). 2025. 15 p. // <https://ettg.eu/wp-content/uploads/2025/09/GG-Mattei-Plan-ETTG-PB.pdf> (дата обращения: 14.03.2026).
22. **Mahamat M.F.** Address at the Italy-Africa Summit: [speech] / African Union. 2024 // <https://au.int/en/speeches/20240129/he-moussa-faki-mahamat-italy-africa-summit-speech> (дата обращения: 14.03.2026).
23. Memorandum d'intesa sulla cooperazione nel campo dello sviluppo, del contrasto all'immigrazione illegale, al traffico di esseri umani, al contrabbando e sul rafforzamento della sicurezza delle frontiere tra lo Stato della Libia e la Repubblica Italiana. Roma, 2017 // <https://www.governo.it/sites/governo.it/files/Libia.pdf> (дата обращения: 14.03.2026).
24. **Pittau F.** Il caso Albania: immigrazione a due tempi / F. Pittau, M. Reggio // Studi Emigrazione. 1992. Anno XXIX, № 106. С. 227-240.
25. Protocollo tra il Governo della Repubblica Italiana e il Consiglio dei Ministri della Repubblica d'Albania per il rafforzamento della collaborazione in materia migratoria. Roma, 2023 // <https://www.esteri.it/wp-content/uploads/2023/12/PROTOCOLLO-ITALIA-ALBANIA-in-materia-migratoria.pdf> (дата обращения: 14.03.2026).
26. **Radjenovic A.** The hotspot approach in Greece and Italy: [briefing] / European Parliamentary Research Service. 2023. 12 p. // [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2023/754569/EPRS_BRI\(2023\)754569_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2023/754569/EPRS_BRI(2023)754569_EN.pdf) (дата обращения: 14.03.2026).
27. Relazione della Commissione parlamentare di inchiesta sul sistema di accoglienza, di identificazione ed espulsione, nonché sulle condizioni di trattenimento dei migranti: Doc. XXII-bis, n. 21 / Camera dei deputati. Roma, 2017. 130 c. // <https://inchieste.camera.it/inchieste/migranti/documenti.html?leg=17> (дата обращения: 14.03.2026).
28. Relazione sullo stato di attuazione del Piano Mattei: [documento ufficiale] / Presidenza del Consiglio dei Ministri. Roma, 2024. 35 c. // https://www.governo.it/sites/governo.it/files/documenti/documenti/Notizie-allegati/Piano%20Mattei/Relazione_Atтуazione_PianoMattei_2024.pdf (дата обращения: 14.03.2026).
29. **Ricifari M.T.** The EU-Tunisia Migration Pact: A Fragile Partnership Under Strain // MEPEI [Middle East Political and Economic Institute]. 2025 // <https://mepei.com/the-eu-tunisia-migration-pact-a-fragile-partnership-under-strain/> (дата обращения: 14.03.2026).

30. **Rinauro S.** Italian illegal emigration after the Second World War and illegal immigration in Italy today: similarities and differences // The History of Migration in Europe: Perspectives from economics, politics and sociology / под ред. F. Fauri. London; New York: Routledge, 2014. С. 173-193.
31. **Strozza S.** Estimates of the Illegal Foreigners in Italy: A Review of the Literature // International Migration Review. 2004. Vol. 38, № 1. С. 309-331 // <https://www.jstor.org/stable/27645367> (дата обращения: 14.03.2026).
32. **Villa M.** Migrazioni nel Mediterraneo: tutti i numeri / ISPI [Istituto per gli Studi di Politica Internazionale]. 2020 // <https://www.ispionline.it/it/pubblicazione/migrazioni-nel-mediterraneo-tutti-i-numeri-24892> (дата обращения: 14.03.2026).

М.А. POZHIDAEV

Moscow State Institute of International
Relations (MGIMO University), Moscow, Russia
ORCID: 0009-0008-5394-6496

THE EVOLUTION OF ITALY'S MIGRATION POLICY: FROM DOMESTIC REGULATION TO EXTERNALIZATION STRATEGIES

The article examines the evolution of Italy's state migration policy. Particular attention is paid to the factors that prompted Rome to shift its focus from domestic regulatory frameworks toward a strategy of externalization. By applying historical and retrospective methods, the study reveals that for decades, migration processes remained largely overlooked by the Italian state, as the country itself acted as a primary labor exporter. A turning point occurred at the turn of the 21st century, when increasing migratory pressures led to the adoption of the first legislative acts aimed at curbing irregular immigration. The paper demonstrates that the inadequacy of internal labor market regulations and the crisis of the Dublin System compelled Italy to out-source migration control beyond the borders of the European Union. The Giorgia Meloni government's proclamation of the «Mattei Plan» represents a logical continuation of this trajectory, signaling a transition to a comprehensive externalization strategy at the state level. While this approach has succeeded in significantly reducing the intensity of migratory flows, its effectiveness remains heavily dependent on the prevailing political climate and is fraught with legal constraints. Consequently, the long-term viability of the current migration strategy remains a subject of debate.

Key words: Italian foreign policy, «Mattei Plan», externalization, Dublin Regulation, irregular migration, Mediterranean region, labor migrants.